

Елена
Холмогорова

Чтение с листа

«От судьбы, конечно,
не спрячешься,
но иногда можно
отгородиться,
и лучше всего —
букетом цветов».

Проза: женский род

Елена Холмогорова

Чтение с листа

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холмогорова Е. С.

Чтение с листа / Е. С. Холмогорова — «АСТ», 2017 — (Проза: женский род)

ISBN 978-5-17-982593-7

Репетиция любви, репетиция смерти, репетиция надежды, репетиция богатства, репетиция счастья... Жизнь героини выстраивается из длинной цепочки эпизодов. Как в оркестровой партитуре, в них одновременно звучат несколько голосов, которые только вместе могут создать мелодию. Они перекликаются и расходятся, что-то сбывается, а что-то так и остается в немоте, лишь на нотной бумаге...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982593-7

© Холмогорова Е. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Увертюра	6
Репетиция музыки	9
Репетиция любви	12
Репетиция смерти	15
Репетиция веры	18
Репетиция свадьбы	22
Репетиция материнства	24
Репетиция немощи	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Сергеевна Холмогорова

Чтение с листа

© Холмогорова Е. С., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Елена Холмогорова – прозаик, эссеист, автор книг «Признаки жизни», «Трио для квартета», «Лучшая роль второго плана», «Граница дождя»; в соавторстве с Михаилом Холмогоровым – «Второстепенная суть вещей» и «Рама для молчания».

«Чтение с листа» – новый роман Елены Холмогоровой.

В этой прозе сама жизнь – богатство ее мелких даров, щедрость деталей, тонкость нюансов...

Людмила Улицкая

*ПАРТИТУРА – итал. *partitura* – букв. разделение, распределение – нотная запись многоголосного произведения, в которой сведены партии каждого отдельного голоса (инструмента). Нотные знаки располагаются в партитуре подстрочно один над другим, для того, чтобы глазом можно было легко охватить направление движения всех голосов в их одновременном звучании.*

Краткий музыкальный словарь

Как чудно жить. Как плохо мы живем.
Георгий Адамович

Увертюра Репетиция пустоты 2012

Ее уволили с первого сентября. Спасибо, дали прожить спокойно лето, съездить в Турцию, не думая о том, что в железной коробке из-под Павликова новогоднего подарка, куда складывала сэкономленные деньги, ничего не осталось.

Шеф, пряча глаза и смущаясь, будто он должен сообщить ей о результате анализа, подтвердившего смертельную болезнь, промямлил, что, мол, новое время диктует новые задачи, что для успеха дела необходимо безукоризненное владение многими компьютерными программами и знание чего-то, что он сам произносил нетвердо, да и вам, дорогая Елизавета Николаевна, сколько можно от звонка до звонка... Она не сразу поняла, о чем речь, и потом, вспоминая сцену в старомодном, обшитом деревянными панелями кабинете, где не было места компьютерным технологиям, рыночным механизмам и длинноногой молоденькой секретарше, изумлялась своему поведению. Всегда славилась быстротой реакции, а тут – как в ступор впала. И стыдно было за идиотский вопрос: «А как же *она* (вмиг возненавиденная преемница, неведомая победившая соперница) во всем разберется?». И ответ – сухо и устало: «Так вы же, Елизавета Николаевна, дела ей передадите».

Это был один из самых тяжелых дней в его жизни. Намек прозвучал слишком прозрачно. Ударили по самому больному, напомнили про возраст. Мол, мы высоко ценим ваши колоссальный опыт и по существу дела, и по руководству коллективом, поражаемся вашей феноменальной креативности. Так провожают, точнее выпроваживают, на пенсию. И когда главный акционер завел эту песню, вспотела шея, туговат стал ворот рубашки. Он только безвольно кивал головой, как китайский болванчик, наполовину отключил слух, сосредоточившись лишь на том, чтобы не дрогнул ни один мускул на лице. Но поворот сюжета в монологе не пропустил. Мы очень рады омоложению компании, свежая кровь несомненно придаст ее деятельности новые импульсы. Но вот еще один вопрос. Никаких, мол, претензий, но, сами понимаете, секретарь генерального директора – лицо фирмы, да и технологии в делопроизводстве теперь новые, что там технологии, даже слова – тайминг, ситуативный имидж, мониторинг информации, психология невербального общения... И кандидатура подходящая у нас есть на примете. Молодая, но уже себя зарекомендовала. Человек надежный... Он опять покивал, и партнеры, поняв, что сигнал достиг цели, что все будет как надо, удалились. Все-таки старая закладка – великое дело. Им было ясно, что главное шеф услышал: и легкую угрозу про возраст, и что на этом месте должен быть надежный для них человек.

Вета была чутка к слову, и, когда, выслушав еще раз благодарственный лепет, вышла, привычно закрыв за собой дверь в приемную, почему-то подумала: «Как точно говорят – на ватных ногах», обессиленно села в вертящееся кресло, мечтая, чтобы телефон не звонил хотя бы пять минут. И странно, опять о словах: «Как привычно странное название – предбанник. Надо будет все-все убрать»...

Дни шли как в тумане. Барахло из ящиков стола уносила частями, а половину оставила в мусорном баке напротив – как же человек обростает вещами! Хотя что же удивляться – просидела двадцать семь лет.

Сослуживцы, конечно, качали головами, жалели, шептались, что под шефом кресло качается, вот он и совершает судорожные телодвижения: разогнал аналитиков, набрал юнцов зеленых, ее вот – секретаря идеального – увольняет, одним словом, меняет хорошее на новое.

Преемница оказалась вовсе не девчонкой, а лет тридцати пяти полнеющей крашеной блондинкой, спокойной, доброжелательной и толковой, внимательно записывала инструкции, вела себя скромно и сочувственно.

Именно это и добило. Вета была полна жадой мщения, заранее исходила желчью, но противопоставить выдержанности и квалифицированности ей было нечего. Действительно, новенькая собиралась перенести многое с бумаги на компьютер, даже пыталась объяснить Вете, как это будет работать, но та не слушала.

Шеф старательно избегал оставаться с ней. Проскакивал мимо предбанника, как скомканная бумажка, выпущенная из рогатки, хотя она теперь сидела там вместе с новенькой. Та держалась корректно, но первый же предмет, принесенный ею, заставил его вздрогнуть. Пробковая доска, к которой острыми кнопками крепились мелкие бумажки, была устрашающе похожа на кошмар его детства. Старшая сестра ходила в кружок юных натуралистов и вместо того, чтобы оберегать природу, прищипливала задушенных спиртом бабочек и жуков и прятала под стеклом. Это называлось коллекцией и неизменно всех восхищало: «Как живые!». Мало того, место этому кладбищу было определено на стене над его кроватью. Он страдал, ему казалось, что ночью трупы оживут и станут кружиться у его подушки. Все хвалили сестру, а его корили за отсутствие увлечений (слово «хобби» тогда еще не было в ходу).

Самое забавное, что ей было жалко шефа. Ясно же, что именно он станет следующей жертвой. А главное – не могла не сочувствовать шефу, когда тот с ней, Ветой, разговаривал. Невольно ставила себя на его место и привычно, как делала целую четверть века, старалась помочь, избавить от лишних негативных эмоций. Даже тени неприязни не пробежало между ними.

Он долго думал, как обставить прощание. Ну, там, премия – надо будет не поскрипеть, а вот на память... Он-то считал, что у них климат тепличный – ни скандалов, ни интриг, а вот, оказывается, сидит он, старый пень, в своей деревянной берлоге, а жизнь мимо, мимо... С внучкой поделился, а та – деловая... Она Елизавету Николаевну знает – три года назад, когда внучка на Кипре дом купила, та за ремонтом следила, сам тогда ее откомандировал. Внучка сразу: «Я бы ей работу нашла, ну, домоправительницей – гувернанткой она не потянет, хоть и с образованием, требования теперь, знаешь, какие! А так могу поспрашивать, рекомендации ей дадим». Он должен был бы порадоваться, что внучка близко к сердцу приняла, помочь обещала, но знал, что не сумеет даже заикнуться о такой возможности. Надо же, в няньки «не потянет»! И все примерял на себя новые времена, и все вздыхал...

Собрав остатки воли, Вета накрыла стол не хуже, чем обычно на свои дни рождения: фирменные пирожки с мясом и плюшки с корицей. Все так убеждали ее, что надо отдохнуть, а дело уж ей-то с ее энергией всегда найдется, что она поверила, будто устала и нуждается в передышке. Она всегда была легковерна, и даже странно, что не так часто на этом обжигалась. Да, тяжким было это мероприятие. Гражданская казнь. Всего лишили. «Того немного лишили, что было у меня, – поправила Вета, думая о том, что редко позволяла себе впускать в мысли, – того немного... У кого из великих шпагу над головой ломали? Правильно, у Чернышевского, молодец, помнишь, отличница филфаковская! Вот и он вопрошал, прямо как ты: „Что делать?“»

Кроме букета, уносила она конверт с премией и неожиданный подарок. Верстальщица Ирина, которая не только замуж вышла, даже фамилию на старости лет поменяла, заплакала, с ней прощаясь: «Если бы не вы, не было бы у меня счастья. Вот, Чапа моя просила передать», – и сунула коробочку. Приятно, когда люди помнят добро, – а всего-то пожила несколько дней

с собачкой, пока Ирина в романтическое путешествие ездила. Дар спаниельки оказался даже не символическим – золотой кулончик с жемчужиной.

Вета не сразу сообщила сыну о переменах в своей жизни. Как человек практичный, она понимала, что он оттуда, из своей ледяной Сибири, ничем, кроме слов и денег, помочь не может. Реакцию она и так могла предвидеть: «Ну и хорошо, давно пора. Отдыхай, о деньгах не беспокойся, – поможем. И приедешь, наконец, в гости».

Ровно это он и сказал, когда она наконец решилась. Почему-то связь по скайпу все время рвалась, как никогда раньше, и это ее радовало: не надо было заботиться о плавности речи. «А все-таки он скотина, твой шеф», – не выдержал Павел, но она возразила: «Нет, это я дала себя уверить, что уникальна, а незаменимых и впрямь нет». Через час на мобильный пришло сообщение о поступивших на ее счет деньгах: а как еще сын мог ее утешить?

После фальшиво-пышных проводов Вета в последний раз шла «с работы», задевая прохожих огромным букетом.

Около дома в подземном переходе три бомжа, обнявшись, пели замогильными голосами мушкетерскую песню:

Пора-пора-порадуемся на своем веку
Красавице и кубку, счастливому клинку...

Это было так комично, что Вета не сдержалась и рассмеялась громко. Вслед ей несло почти пророческое: «Судьбе не раз шепнем: „Мерси боку!“».

А сколько ей осталось воспоминаний...

Репетиция музыки 1963

Вот она идет по темноватой улице. Переехали сюда недавно, поэтому здесь все чужое и одинаковое, с домами нельзя поговорить. Нет знакомых собак. Падает снег, вокруг фонарей белая карусель. Вета несет черную картонную папку с нотами. Ручки длинные – папка то и дело задевает углом сугробы. Но она Вете нравится. Вся в тисненном орнаменте, а в центре надпись старинным шрифтом MUSIK. Это кто-то маме на работе отдал, узнав, что дочку в музыкалку приняли. А в ней «Школа игры на фортепиано». Смешно: целая школа уместилась в папке. Нести ее трудно, мешают толстые варежки на меху, пальцы в них плохо гнутся, и шелк витого шнура норовит выскользнуть. Но на урок надо приходиться с теплыми руками.

Сколько она видела разных семей, и как часто дети не похожи на родителей! Вот и эта Елизавета Яснова – как от другой матери рожденная. Та – простоватая, больше всего озабоченная тем, чтобы быть «как все», одергивающая дочь за любое нестандартное слово. Так и вскинулась на экзамене, когда девочка сказала, что ей больше нравится музыка веселая, чем грустная. Она из тех, кто считает, что настоящее искусство должно быть печальным, из тех, кто в церкви натягивает на себя постную мину. Конечно, пришлось девочку поддержать и попросить спеть самую веселую песенку, какую она знает. Мама заторопилась подсказать: «Да, вы столько хороших песен пели на праздниках в детском саду и в школе». Но дочку понесло. На мгновение эту мамашу даже жалко стало.

Повезло ей с учительницей. Татьяна Николаевна никогда не ругает, вот в прошлый раз она левую руку не выучила, так та говорит, мол, ничего, к следующему уроку подтянешь, главное – призналась сразу, что как следует дома не занималась. Вете нравилось, что она много рассказывает – и так интересно, как будто все эти великие были ей друзьями школьными. Оказывается, Вивальди не всегда был гением, его аж на двести лет вообще забыли, а «Времена года» Чайковского не просто детские песенки, Рихтер на бис любил играть «Баркаролу», а уж про Баха, самого Баха, сказала, что его мелодии могли напевать вот такие же девочки, как она, когда, например, узоры вышивали.

Никогда не забудет она эту «самую веселую песенку». Тихая девочка вдруг прямо преобразилась, так кокетливо плечиком дернула, ножку в сморщенном чулочке отставила – и давай:

Одесситка – вот она какая,
Одесситка – пылкая, живая!
Одесситка пляшет и поет,
Поцелуй...

*Мать от шока оправилась, кинулась к ней:
– Что это такое? Что это? Прекрати!
А девочка по инерции, но уже тише и медленнее:*

...поцелуй раздает
Тем, кто весело живет!

Пришлось ее остудить:

– Ну зачем вы прервали, она очень артистично исполняла.

А мамаша себя выдала с головой:

– Знали бы вы, что там дальше!

Когда шли домой, мама причитала:

– Столько песен хороших: «Мы – ребята-октябрюта», «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!», например, а ты...

Ох, Вете влетело! И папе заодно. За то, что часто куплеты эти дома пел. Но он только смеялся. И маме говорил:

– А она, знаешь, что меня спросила? Это, говорит очень страшно – добродетель потерять, она дорогая?

Вете подмигнул и замурлыкал:

Добродетель все равно

Потеряла уж давно...

Слух-то средненький, но они не при консерватории, а при районном Доме пионеров – музыкальный класс, даже не настоящая школа музыкальная, а, считай, кружок по интересам.

Вета любила воображать себя знатной дамой в длинном пышном платье, с высокой прической и веером в руке, как Золушка на балу. Мама никогда не спрашивала, что ей снилось, о чем она мечтает, даже что ей нравится, кроме еды, конечно. А вот Татьяна Николаевна прямо-таки выпытывала, каждый урок начинала с вопросов. То какую погоду Вета любит, то про собак, а сегодня вот про книжки.

– Вот ты читаешь хорошо, бегло, толстые книжки. Какая у тебя любимая?

– «Робинзон Крузо».

Да, не очень подходящий пример.

– А еще?

– Ну, сказки, про принцесс, про то, как раньше жили красиво...

– Так вот, подрастешь, будешь читать классику русскую, так увидишь: дамы и молодые люди то и дело запросто подходят к роялю и играют какую-нибудь пьесу, или один аккомпанирует, а другой – поет. В дворянских семьях играть на фортепиано учили так же непременно, как вести себя за обедом, читать или танцевать вальс. Называлось это замечательным словом, теперь практически забытым, – музицировать. И учили прежде всего – читать с листа, то есть играть по нотам без подготовки незнакомое произведение. Вот ты же можешь взять любую книгу и начать читать вслух, так же и играть с листа. Даже само название «чтение с листа», знаешь, как переводится? По-итальянски «a prima vista», то есть «с первого взгляда», а по-французски «a livre ouvert», то есть «по раскрытой книге». Вот если их объединить, получается именно такой смысл, как нам нужен.

И теперь каждый раз Татьяна Николаевна открывала новые ноты. Вета полюбила эту игру: начинать, не зная, что будет дальше. Получалось у нее не очень складно, зато это было куда интересней, чем без конца повторять и повторять одни и те же пассажи или долдонить гаммы. Ей казалось, что она сама сочиняет музыку, мелодии возникали у нее под руками, и, когда Татьяна Николаевна прерывала ее, она останавливалась с досадой: «Нет, так не пойдет. Если ты по складам читаешь, до смысла ли тебе? Надо уметь взять ноты и прочитать, как книгу».

„про себя“, должен включиться „внутренний слух“.» Потом она сама проигрывала разобранный фрагмент и говорила: «Хватит на сегодня, покажи, что выучила дома», Вета неизменно просила: «Ну пожалуйста, еще немножко».

Хорошая девочка, трудно ей будет. И как объяснить, что вся жизнь похожа на это самое «чтение с листа». Ноты написаны не нами, различаем мы их тайнопись с трудом, знаков судьбы не замечаем, а играть, то есть жить, приходится без репетиций. Хотя сколько и репетиций бывает, а мы все мимо пробегаем...

На уроке сегодня на инструменте не занимались, а читали Пушкина «Моцарт и Сальери». Татьяна Николаевна почти каждую строчку объясняла. И так интересно: все наизусть помнит. Но оказывается, Сальери был гораздо более известным музыкантом, чем Моцарт, – неизвестно, кто кому должен был завидовать. Вета дома все это рассказала, а мама рассердилась: мол, пусть своим бы делом занималась – на пианино играла, а книжки в школе читать научат. Он была в плохом настроении, папе тоже досталось. Он только Вете подмигнул и давай вполголоса свое любимое:

Ах, мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимни холода?
У тебя нет теплого платочка,
У меня нет зимнего пальта...

Ну тут мама еще пуще разошлась, припомнила ему, как от стыда сгорала, когда Вета на экзамене его частушки-куплетики петь начала. А он ей: «Ну что ты кричишь! Это же советская классика, из фильма „Котовский“. В войну киностудию в Алма-Ату эвакуировали и там доснимали. Так мы, мальчишки, днями пропадали, крутились вокруг площадки съемочной. Гоняли нас, конечно, но мы все равно то на дерево залезем, то за домом спрячемся. А какие артисты были, живые – Мордвинов, Крючков, Марецкая. И пели, знаешь, еще что?» И отец приосанился, изображая певца на сцене:

Вы мной играете, я вижу,
Смешна для вас любовь моя,
Порою я вас ненавижу,
На вас молюсь порою я...

Хлопнув дверью, мама вышла из комнаты. Отец развел руками и пошел вслед – мириться.

А Татьяна Николаевна через два года заболела, ушла на пенсию. И кружок музыкальный закрылся...

Репетиция любви 1967

Никогда в жизни не видела она больше такого энтузиазма! Корчевали пни, вырубали кустарник, воду таскали из колодца ведрами и бидонами за километр. На общей стройке вчера еще незнакомые мигом становились друзьями. Все молодые, у всех дети. Дети-то и подружились первыми. Для старших была норма – два часа в день отдать работе, а потом вольница.

Центр дачной молодежной жизни образовался сам собой вокруг единственного стола для пинг-понга. Там вечером устраивались танцы. Родители девочки оказались с понятием: не только терпели музыку и шум, но и организовывали чай. Надо было принести свою чашку и что-нибудь сладкое. Воду таскали по очереди. На одном краю пинг-понгового стола стоял проигрыватель, к которому от столба протянули специальную проводку, горкой лежали пластинки, а другая половина была отдана под чайные дела. Компания подобралась по возрасту ровная – пятнадцать-шестнадцать лет.

Малышню, вроде двенадцатилетней Веты, конечно, близко не подпускали. Но ей повезло...

Однажды в положенный час, когда Вета заняла излюбленную позицию в углу сада, спрятавшись под елкой (это была их гордость, большинство участков было совершенно голыми), любимая мелодия, от которой начинала биться жилка на шее и стучать в висках, вдруг стала запинаться, что-то зашипело, раздались недовольные вскрики, а потом музыка смолкла.

Вета разочарованно вышла из своего укрытия. Родители пили чай, устроившись на сложенных штабелями досках, из которых скоро будет построенная не просто застекленная терраска – шестигранный фонарик.

– Игла у них заела, – сказал отец, с хрустом разгрызая кусок колотого сахара, – он всегда пил чай вприкуску. – Я, конечно, мог бы починить, но уж больно надоела каждый вечер эта канитель.

– Вот и почини, – мама отмахнулась от налетевших комаров. – Они молодые, не под гармошку же им плясать, да и гармонисты перевелись.

– Пойдем, возьми меня с собой, – взмолилась Вета. – Ты музыку сделай, а за это пусть разрешают мне посидеть...

Она прижилась. Маленькая, легкая, на ней отрабатывали танцевальные движения: крутили в рок-н-ролле, опрокидывали в танго...

Вете казалось, что она лучше всех этих взрослых девчонок: они глупо хихикали, миниюбки открывали толстые, какие-то мясистые ноги, начес на голове противно трясся в танце, и прическа называлась гадко – «вшивый домик». Да и парни были невоспитанны и грубоваты. Почти все. Кроме Него, конечно. Высокий и тонкий, с изумительным низким голосом. Когда Вета слышала его, начинало ныть в затылке. Он все делал лучше остальных: танцевал, пел, играл в пинг-понг.

С тех пор как появилась машина, сначала выстрадавшие в долгих очередях «жигули», потом служебная «ауди» по будням и свой «ниссан» по выходным, в метро он спускался редко. Но неизменно с удовольствием. Жена смеялась: «Потому что это экскурсия два раза в год, а не обязанность два раза в день в час пик». Да, он, конечно, понимал, но не в том было дело. Он радовался, что ноги сами несут на нужную для пересадки лестницу, что «память тела» так здорово работает. А главная странность: в метро он неизменно чувствовал себя молодым, прибавлял шаг, прямо держал спину. «Еще моя походка мне не была смешна...» – даже мурлыкал, обгоняя тетечек с хозяйственными сумками на колесиках. Хотя какая странность:

метро навсегда осталось юностью (бегом на последний поезд после вечеринки, свидание на скамейке у первого вагона...).

Он взял ее за руку и закружил, показывая где-то увиденное па, и этого было достаточно, чтобы сердце ухнуло и Вете стало ясно: ему нет здесь пары, только она.

Расходиться было велено в десять. Но обычно куда раньше мама кричала через забор резким, вдруг делавшимся неприятным голосом: «Елизавета, хватит уже, наплясалась, давай домой». Ей всегда было так стыдно, она успевала поверить в свое счастье, привыкнуть к тому, что может подойти к нему, что-то сказать, передать печенье...

Когда на березах стали появляться желтые клоки, она написала ему письмо. Лето кончалось, все разъезжались по домам.

На его шестидесятилетии, ближе к концу юбилейного застолья, уже изрядно нагрузившийся директор позволил себе в очередном тосте сострить: «Он знает себе цену, он не первый человек в фирме, но и не второй». Да, он знал, что дело в значительной мере держится на нем, что он многого добился, ему нравилось, что наравне с молодыми он легко произносит «стратегическое планирование» и «консалтинг». Ему было не стыдно появиться с ухоженной женой, сын был на достойной работе. Он полюбил приглашать гостей на дачу. Мастерски обращался с мангалом, не подпуская к нему женщин, и с гордостью под возгласы восторга вносил блюдо с истекающим соком ароматным шашлыком. Дом был скромный, но стильный, недавно отремонтированный, со множеством современных «фишек». Сильно он был непохож на ту родительскую дачу, где много лет не бывал и которую продал, как только те ушли из жизни. Располагалась она по непрестижному направлению, на восток от Москвы, зато близко, к тому же электричка рядом – неплохие дали деньги. Хотя был там свой шарм: велосипед, подкидной дурак, пинг-понг, танцы-шманцы. Боже мой, ведь он хорошо танцевал! И девочка еще была соседская, малявка, в него влюбленная, даже письмо однажды написала, прямо как Татьяна Ларина, трогательное, до сих пор помнил: «Я скоро вырасту, через год ты меня не узнаешь»... А он тогда в Питер уехал, дурачок-романтик, в мореходку. Через год в каникулы родителей навестил на даче. Хотелось казаться взрослым, зачем-то девушку знакомую с собой приволок – Москву посмотреть. Малявку ту видел только издали, а потом в редкие приезды ни разу не встречал, так и не знает, стала ли она, как в письме обещала, красавицей...

На следующий год площадку раскопали под грядки, и собираться стало негде. Ездили на велосипедах на пруд, но Вету туда не пускали. Да она и не рвалась. Его не было. Уехал в Ленинград поступать в мореходку. Это казалось ей правильным, ему подходила только романтическая профессия. Вета завела тетрадку, в которой писала неотправленные письма, а потом прятала в щель в деревянном сарайчике.

Иногда на закате ей представлялось, как он через год приедет в морской форме, а тут она. Он скажет: «Какая ты стала красавица!». А дальше этого ей не думалось.

И он действительно приехал. Без формы, зато с девушкой.

А та мелодия, на которой заело пластинку, так и осталась самой любимой и всегда рвала душу. Она потом узнала, что это – знаменитый фокстрот «Маленький цветок».

Сним такое случилось впервые: задумался, проехал пересадку. Настроение испортилось. Почему не на машине? Лучше бы постоял в пробках, чем проталкиваться к дверям через разморенную жарой толпу. Две девицы, наушниками отгороженные от внешнего мира, парни, вон, правда, разговаривают: «Ну а родаки чего? Не нависают?». Им девочки не напишут таких

писем... И вдруг защемило: а вдруг это было его счастье?.. Он выбрался из душного вагона и, еле передвигая ноги, пошел к эскалатору. Дальше возьмет такси.

А мама, оказывается, все видела. И когда Вета горько плакала в углу сада под той самой, единственной елкой, подошла и сказала: «Поплачь, отпустит. И знай: тяжелее, чем сейчас, тебе никогда не будет». – «Почему?» – спросила она, изумленная и маминым пониманием, и словами. – «Потому что в первый раз», – вздохнула та.

Вета много раз это вспоминала. Получалось, что мама, пожалуй, была права...

Репетиция смерти 1969

Как же она к этому готовилась! Впервые в жизни она поедет одна так далеко, впервые увидит море! Вете казалось, что все должно быть необыкновенно, и потому она целый месяц тренировала красивые движения кролем, училась гладить шорты и сарафаны, чтобы без единой складочки, и приставала ко всем с расспросами о деталях южной жизни, как будто ритуалы пионерского быта зависят от климата. Она уже не раз бывала в лагерях, но всегда под Москвой. А тут Кавказ, Анапа...

Уже дорога была приключением. Ходили по вагону, знакомились, угощали друг друга мамиными-бабушкиными пирожками, допоздна болтали и пели. Вожатые – Катя и Слава – молодые, веселые, все время что-то придумывали. То конкурс на лучшее название отряда, то репетиция отрядной песни, то стенгазета к открытию лагерной смены. «Наш паровоз, вперед лети, в „Салюте“ остановка, другого нет у нас пути, в руках у нас путевка!» – пели во весь голос...

В воздухе разливался восхитительный жар, а если высунуть голову из окна, морщась от встречного ветра, можно было дожидаться, когда рельсы повернут так, чтобы направо был виден тепловоз, а налево – хвост состава. А потом чей-то крик: «Море!!!» (так, наверное, юнга на мачте кричал: «Земля!»). И все кинулись к окнам, даже странно, что состав не упал набок. И, наконец, приехали, разместились. Первый раз на пляж: воде нет конца, волны такие ласковые. Каждый день то кино, то игра «Зарница». А завтра – прогулка на катере...

И что его понесло на этот Кавказ?! Солнышка захотелось, моря! Получай море! Все тело противное, влажное, рубашка прилипла к спине, а нелепый на его взрослой шее пионерский галстук затянулся мертвой петлей. Опять замутило и поволокло к борту, вцепился в поручни, сейчас вывернет наизнанку. А сзади девчонки хнычут, одна вцепилась в рукав и шепотом: «Я умру сейчас». Обернулся – зеленая вся, как кикимора, зареванная. Он понимает: надо успокоить, им страшно, они дети, а он большой и сильный. Да и обязан – пионервожатый. Напарница его, Катька, хоть и дура набитая, но молодцом – вон мечется от одной группки к другой, посмотрела на него и только головой покачала.

Поначалу было даже весело, хоть и страшновато перебираться по колыхающимся мосткам с берега на катер. Белые пенные буруны бежали за ними, как шлейф невесты, берег постепенно удалялся, корпуса их лагеря исчезли, и вокруг полновластно хозяйничала вода. Море было беспокойно, брызги иногда долетали до палубы и солеными каплями сползали по щеке к губам. Дружное: «У-у-у-ух!» сопровождало каждый резкий поворот, когда суденышко кренилось, и все норовили сползти на один борт, цепляясь друг за друга, чтобы удержаться на ногах.

Вету начало укачивать одной из первых. Все поплыло, ее затошнило, а потом стало казаться, что волны растут-растут, вот они уже выше нее, выше домов, огромные, страшные. И море никакое не ласковое, а грозное, враждебное. Она села на жесткую скамью, вцепилась обеими руками в сиденье и, чтобы не видеть набегающих гребешков, уставилась в небо. Надо было отвлечься, и она стала напевать. Почему к ней привязалась не бодрая пионерская «Взвейтесь кострами, синие ночи!», не любимая папина военная «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...», не старинная, которую часто напевала мама, – «Гори, гори, моя звезда», а невесть где слышанная, из которой помнила только мотив и четыре строчки:

Запряга-ай-ка, дядька, лошадь,

Рыжую, косматую-у,
А я пое-еду в край деревни
Милую посватаю...

Она стала раскачиваться в такт песне, чтобы сбить ритм накатывающих волн и не чувствовать ухающей палубы, потом отбивать такт ногой. Рядом села смешливая Машка. Вете показалось, что у нее неестественно огромные глаза в пол-лица и белые губы:

– Слушай, Ве-етка-а, а мы не потонем?

В этот момент она увидела, что водитель Слава стоит у борта, облокотившись на барьер, и вид у него самый несчастный. Ей стало страшно. Сзади заплакала Ольга: «Меня тошнит, не могу-у-у...»

Кружилась голова, петь уже не хотелось, не хотелось и смотреть на небо – оно сделалось низким, почти слилось с морем. Вета физически ощущала брезгливость: как можно было входить в это море, радостно плескаться и с визгом брызгать друг на друга?

Неохватная громада воды и воздуха была противной, мыльно-серой, как в тазу, в котором на даче мыли посуду. И ей вдруг так захотелось домой, на дачу, сесть на велосипед, проехать по окаймленной лопухами тропинке к поляне, где с одного края заросли малины, а с другого – черничник... А вдруг они сейчас пойдут ко дну? И это что же, конец жизни? И ее больше не будет? А как же мама и папа? Да, наверное, конец – вон Слава, водитель, схватился за голову...

Отнял руки от лица. Ладонь взмокла, влага смешалась с грязью и растеклась по хиромантическим линиям. И линия жизни превратилась в реку, текущую откуда? куда? То есть у нее был исток, но она никуда не впадала, пересыхала, как на географической карте реки в пустынях: ниточка истончается, истончается, потом превращается в пунктир и наконец исчезает. Помнил со школьных уроков страницу атласа: «Казахская ССР». И экзотические названия с бьющей в глаза буквой «ы» – пески Мойынкүм, реки Ушозен, Шылбыр. Текут из ниоткуда в никуда...

Машка прижалась к ней и зашептала прямо в ухо, щекоча дыханием:

– Клянись, что никому не скажешь!

Вета бессильно кивнула.

– А мне ничего не страшно. Меня бабушка тайком маленькую покрестила, так что я – особенная, не такая, как все вы. И у меня будет вечная загробная жизнь.

В другой момент это признание потрясло бы Вету, но не сейчас. Она вообразила себя в гробу – красивую, всю в цветах, кругом плачут. Только маму и папу она не могла себе представить...

Вожатая Катя подошла к ним:

– Ну как вы, девчонки? Держитесь! Кто же знал, что оно так разбухнет. Смотрите, вон уже берег. Немного успокоится – и мы причалим.

Действительно, Вета и не заметила, как сквозь марево проступили очертания гор, тонкой линией прорисовалась песчаная лента пляжа...

Спускались на сушу на дрожащих ногах, колени так и норовили подогнуться.

Стараясь не встречаться взглядом с Катькой, он быстро прошел к себе в комнату. Достал из ящика календарь, на котором, как насмешка, была глянцева репродукция: Айвазовский, «Девятый вал», и, тыча пальцем, подсчитал: до конца смены осталось 17 дней...

А назавтра Вета отправила домой телеграмму, которая родителей так изумила и напугала, что они помчались на переговорный пункт, звонить в лагерь: «Все хорошо, я жива».

И с тех пор она море невзлюбила. До поры считала, что навсегда...

Репетиция веры 1973

В их блочной девятиэтажке, конечно же, не было никаких лифтерш. Хотя лифт был и, надо сказать, работал вполне исправно. Зато у Надюши в «кооперативе научно-исследовательских работников» подъезд украшали горшки с цветами, и за нелепо, хоть и привычно там выглядящим конторским письменным столом важно восседала, как писали в заграничных романах, консьержка. Их было три – сменных, каждая колоритна по-своему. Все – личности весьма влиятельные и вместе с домоуправом составлявшие целое учреждение. Лифтерши знали не только обитателей каждой квартиры, но их родных и друзей – всех, кто более или менее часто приходил в гости или по делам. И не только в лицо и по именам, но в неведомо как собранных подробностях.

Вета каждый день заходила за Надюшей по дороге в школу и ждала у стола на старинном, кем-то выброшенном кресле. Так повелось. В институтские годы продолжилось – поступили в разные, но оказались в соседних зданиях: Надюша прорвалась в медицинский – исполнила детскую мечту, а Вета без призвания, так, по семейной традиции, как мама, – в педагогический на русский и литературу. Теперь не рядом в школу бегали, а ездили неблизко – на метро из Черемушек на Пироговку, и опять она ждала около лифтерши, только уже не в уютном кресле, а на неудобном канцелярском стуле. Надюша вечно опаздывала, годы шли, ничего не менялось.

Ну ладно, если Ветка такая вся положительная-пунктуальная, пусть в конце концов ездит одна! Почему надо каждое утро устраивать сумасшедший дом, что случится, если войдет в аудиторию на три минуты позже... У них посерьезнее учеба будет – сегодня пропустишь, завтра человека на тот свет отправишь, и то ничего. А что она проморгает: слитно писать или раздельно? Важно, конечно, но не смертельно. И что ее потянуло в этот пед: в учебе никакого интереса, в перерывах одни бабские сопливые ля-ля, а на всю жизнь вперед и заглянуть страшно... Ведь вполне могла бы с ней вместе поступить в медицинский, химия у нее вообще шикарно шла, да и остальное. Крови она, мол, боится. Да просто курица бесхребетная, ей лишь бы все было тихо-мирно, с ума сходит, если кто-то поссорился, готова всем уступать. Вот мужу счастье привалит! Девушка без недостатков! Да еще и хорошенькая. Правда, скучновата...

Нина Кирилловна не покидала поста уже невесть сколько лет и помнила Вету первоклассницей с белыми лентами в длинных косах, заплетенных «корзиночкой».

– Нина Кирилловна, а если подсчитать, сколько пар носок вы за эти годы связали? – Вета уже заметно нервничала, но звонить не хотелось, хотя телефон важно стоял на столе по соседству с табличкой «Служебный. Личные разговоры строго запрещены». Она прекрасно знала, что происходило в квартире на пятом этаже: Надюша металась в поисках кошелька или косметички – всегда одно и то же. «А как правильно – „носок“ или „носков“», – отметила она и обрадовалась своему интересу, потому что он вспыхивал редко, и она уже понимала, что никогда не полюбит профессию. Но новых мечтаний так и не появилось, поэтому жизнь текла от сессии до сессии с перерывами на каникулярные развлечения.

– Кто же считать-то станет, деточка, главное – носились бы с удовольствием.

– Да, я в ваших, с голубыми полосками, в походе как королева была, – согласилась Вета.

Шерсть надо было приносить самим, с неременной остротой – «из шерсти заказчика», а за работу Нина Кирилловна брала только конфетами – сластена была неслыханная, что сильно

сказалось на ее теперь необъятной фигуре. Хотя, как ни странно, двигалась она легко и лестницу мыла молодой сменщице Любе на зависть.

Люба не скрывала, что сюда поступила ненадолго, «до лучших времен», под каковыми она однозначно подразумевала удачное замужество. Она приехала из тульской деревни, ночевала, когда не на дежурстве, у двоюродной тетки и жадно всматривалась в каждого, входящего в подъезд.

– Вы, разрешите поинтересоваться, в которую квартиру направляетесь? – так с ослепительной улыбкой обращалась Люба к входящим мужчинам.

– Вы к кому? – это сухо, к женщинам.

У Веты она всегда спрашивала совета, куда в Москве ходят «приличные люди», и очень огорчилась, узнав, что у нее на факультете учатся одни девочки:

– А сами-то где женихов искать собираетесь? – все выпытывала она и удивлялась, что это может не быть главной заботой.

На самом деле Вета лукавила. И тема эта ее весьма занимала. Прошлым летом, когда ездили в диалектологическую экспедицию на Вологодчину, к ним присоединили несколько мальчиков-историков, с одним из которых у нее сразу же установился тон легкого флирта, и все вокруг начали перемигиваться, давать советы и всячески способствовать развитию их с Митей романа. Руководительница группы смотрела сквозь пальцы на поздние приходы по вечерам, ставила их вместе на дежурства по кухне. Вете все это льстило, ей приятно было открыто ходить, взявшись за руки, по деревенской улице и целоваться в ближайшей роще. Они строили планы, как в Москве пойдут в театр и на каток, но ей почему-то не было весело думать об этом, не хотелось купить новую кофточку, даже не рвалась она скорее поведать о своем счастье Надюше. Но похвастаться все же захотелось, и она устроила совместный поход в Исторический музей, где Митя, ясное дело, разливался соловьем про любимые свои древности. Но нет, счастья не было. И «курортный роман» тихо сошел на нет.

Ветке-то хорошо, волосы по плечам распустила, челку набок смахнула – и всегда причесана. Или наоборот – стянула в хвост конский или пучок на затылке, даже стильно. А она каждый божий день должна воевать со своими кудрями, чтобы потом, еле скрывая ярость, слышать: «Счастливая, волосы сами выются». А Ветка за собой следить не умеет, она ей на день рождения тушь купила шикарную, час в «Ванде» в очереди стояла – ресницы, как наклеенные, ни комочка, пушистые, так только по праздникам ею пользуется. Еще не хватало плаetchек на голову – и в церковь, Надюша уже заметила, как она подолгу с Тоней сидит, беседует. А недавно на стенку икону повесила...

И вдруг сегодня Люба огорошила Вету вопросом:

– Слушай, а ты крещеная?

Вета поняла, что Люба сменила на посту Тоню – маленькую, сухонькую, какую-то юркую, как ящерка, казавшуюся древней старушкой, хотя сыну было всего двадцать пять. Тоня не скрывала, что ходит в церковь, брызгала святой водой на свое рабочее место, чем приводила в ярость Нину Кирилловну («Брезгует нами!»), не ела мяса в пост и по засаленной тетрадке читала молитвы, про себя, но шевеля губами.

– Меня-то бабушка у батюшки знакомого в Туле окрестила, – продолжала Люба, переходя на шепот, – так мне Тоня обещала написать молитву на жениха и какой иконе свечку ставить.

Вопрос веры никогда особенно Вету не трогал, она считала Бога принадлежностью прошлого века, атрибутом классической литературы и живописи, не существующим в современной жизни. Хотя на Пасху она несколько раз ходила к церкви, окруженной милицией, поглазеть на крестный ход, послушать нестройное пение и со всеми вместе покричать: «Воистину воскрес!». Но потом процессия скрывалась в храме, и она возвращалась домой смотреть по телеви-

зору концерт западных рок-музыкантов, который показывали только в эту ночь, как будто это могло отвлечь православных от их главного праздника. Мама красила яйца луковой шелухой и покупала к чаю кекс «Весенний», который, смеясь, все называли истинным именем «кулич».

В жизни Вета не встречала ни одного живого верующего, а в церкви заходила только во время экскурсий. Но в тот единственный раз, когда они с Митей целый день провели вместе, была поездка во Владимир и Суздаль от их факультета. Митя был очень горд, что с ним поехала девушка, вел себя нарочито развязно и нелепо красовался перед однокурсниками. Преподаватель договорился, что их отвезут туда, куда обычно не любят ездить экскурсионные автобусы из-за разбитой дороги, – к церкви Покрова на Нерли.

У Веты захватило дух... Это была не просто красота, храм окружал только ей видимый ореол, нимб, ей захотелось встать на колени и сказать что-то очень важное, может быть, вообще самое главное в жизни. Она попыталась объяснить это Мите, когда всех торопливо загнали обратно в автобус («Запомните, шедевр архитектуры, торжество пропорций, а внутрь не пускают, потому что ничего не сохранилось»), но тот был озабочен термосом с чаем.

Дома расспросила родителей. Нет, ни у мамы, ни у отца в семье религиозных традиций не было.

– Хотя моя бабушка, прабабка твоя, Наталья Егоровна Тихая в церковь заходила, икона висела, она и сейчас где-то на антресолях, – сказала мама.

Икону эту Вета нашла: Богородица с младенцем на потемневшей доске – и унесла в свою комнату. Она знала, что для икон есть какой-то красный угол, но повесила просто на стену, как картину. Говорила всем – фамильная, память о прабабушке, и жалела, что утратилась их родовая фамилия – Тихая, мамина девичья, сама она, как и мама, звалась по папе – Яснова, тоже вообще-то красиво.

Раздражение никогда не идет на пользу. Волосы не желали укладываться, время бежало, Надюша вспомнила про невыученную латынь, и настроение вконец испортилось. Она спустилась вниз, удивившись, что Вета оживленно болтает с деревенщиной Любой, пожаловалась на адскую головную боль, сказала, что останется дома, и тупо провалялась весь день, то включая, то выключая телевизор. К вечеру она поняла, что на самом деле остро завидует «правильной» подруге Ветке.

А в церковь «по делу» Вета впервые попала как раз из-за Тони. Приходит однажды – та плачет, и рука у нее загипсованная на перевязи.

– Тетя Тоня, как угораздило?

– По грехам моим, видно, деточка. Наказал Господь, прямо в храме оступилась, плитка в полу выпала. Молилась перед иконой Спаса Нерукотворного, а сзади старушка подошла свечку поставить, так я, чтоб дать ей дорогу, шагнула в сторону, да и споткнулась. Главное: первый день Великого поста был, самый покаянный, а у меня рука правая сломана – даже не перекреститься. Точно – Божья кара.

– Да ладно вам, тетя Тоня, убиваться, случайно так вышло. Главное, чтобы срослась кость правильно, – стала утешать Вета.

– Случайного, девочка, в нашей жизни ничего нет. Бог всевидящий, у него даже волосы на твоей голове сочтены, – возразила Тоня.

– Может, помочь вам чем-то?

– Сходи в храм, подай записочку за мое здоровье.

– А как, я не знаю.

– Так я научу.

Войти в церковь не экскурсанткой оказалось страшно. Было пусто и гулко, каждый шаг отдавался в висках. «Свечной ящик» нашелся прямо при входе. Вета подала записку.

– Простая или заказная? – спросила ее странно молодая и бледно-восковая женщина в темном платочке.

– Давайте как лучше, – глупо ответила Вета, удивившись, не все ли равно Богу, если он и вправду всевидящ.

Она купила свечку и, как велела тетя Тоня, поставила ее целителю Пантелеймону, краснея, спросив у восковой женщины, где эта икона. Постояла, глядя на горящую свечку, пытаясь представить себе, что вот она придет к Тоне, а у нее уже гипса нет, и рука в порядке. Но тут же устыдилась собственной веры в такое простое, прямолинейное чудо.

Рука срослась в обещанный врачами срок, а Вета много лет не переступала порога храма.

Репетиция свадьбы 1974

Сначала она остолбенела. В прямом смысле слова. Превратилась в каменный, нет, бетонный столб. И не от того, что Надюша говорила – смысл не сразу дошел, а потому что та заливалась слезами и все повторяла: «Ты никогда меня не простишь, я сука, сука последняя!», и даже порывалась встать перед Ветой на колени.

Как ни старался, не мог не сравнивать. У Надюши длинное белое платье – кружевное, по-старинному, как-то по-бальному открытое, цветы в незнакомой пышной прическе, непривычное соотношение в росте из-за высоких каблуков, а главное – взгляд, которому он никак не мог найти определения, – не то растерянный, не то торжествующий. От кукол и мишек на машину он сумел отбояриться, а вот черный костюм жениху и ленты для свидетелей обсуждению не подлежали. Его дружок был в темно-сером костюме, надеванном всего один раз на школьный выпускной, и лента с несуразно огромной от плеча до пупка надписью «Свидетель», скорее, оживляла его нелепо официальный вид. А Вета с буднично собранными в хвост волосами выглядела не лучшим образом. Ей страшно не шел вынужденно-пороссячий цвет платья, подбиравшийся под красную с золотом широкую ленту, некрасиво перерезавшую фигуру по диагонали.

На самом деле Вета ничего не испытала, кроме облегчения. Уже полгода она не могла понять, что творится с Надюшей, а про Митю думать забыла. У нее была новая компания – однокурсница познакомила. Там пели под гитару «Милая моя, солнышко лесное...», «Лыжи у печки стоят...», топтались в медленном танце, пили кислое вино и целовались на лестничной клетке. И Миша, будущий муж, уже приглядывался к ней и просил распускать волосы, чтобы падали на плечи. Так легко быть благородной...

В ЗАГСе их разлучили. Надюшу отправили в комнату невест, а он со свидетелями должен был заполнять какие-то бумаги. Взглянув на Вету, Митя не ко времени вспомнил ее тогда, у храма Покрова на Нерли. Почему у них ничего не вышло? И сам себе ответил. С ней было неловко, стесненно. А с Надюшей, с той первой встречи в Историческом музее, началась необязательная, легкая болтовня, возникла идея сходить в Новодевичий монастырь. И как-то само собой получилось, что Вета оказалась третьей лишней. Надюша переживала, казнила себя за предательство лучшей подруги, не знала, как ей открыться, а у него никаких угрызений совести не было. «Пойми, нас ничего, ничего не связывало», – убеждал он Надюшу.

Ну и что с того, что развелись через неполных два года? Зато Надюша избежала унижительных родительских «чтобы дома была не позже одиннадцати» и «береги честь смолоду». Зато она уже была дама, женищина с прошлым, а это отчего-то чрезвычайно ценилось в их еще щенячьих студенческих компаниях. И на ее, Ветиной, свадьбе Надюша, уже опять невеста, с легким превосходством и даже снисходительностью кричала «Горько!» и танцевала без устали.

Мите все нравилось. И то, что он теперь взрослый мужик с обручальным кольцом, странно теснившим безымянный палец и резко отрубавшим от глупых пьянок, и то, что родители довольны им, невесткой и новой родней, и то, что его жена такая красивая и хозяйственная, и что скромная свадьба будет в кафе. Вот только просчитались они с датой, оказалось накануне армейского праздника 23 февраля. Цветов будет не достать, все сметут для

доблестных защитников. Но Надюша, посоветовавшись с продавицей, купила белые гвоздики заранее и положила, завернув в два слоя газет, на нижнюю полку холодильника. Вечером пришел с заседания кафедры голодный тесть – хватать, а это цветы, думал, что померещилось от переутомления. А гвоздики свежие-свежие, – подумал Митя, – они уже вошли в светлый зал, и дежурно улыбающаяся тетенька, закованная, как в скафандр, в официальный костюм, прочищала горло, чтобы рассказать про счастливую советскую семью.

Вета попыталась представить себя на месте Надюши. Да, она была хороша, Вета непременно тоже будет в длинном белом платье, и фотограф, смешно приседая и подскакивая, то замирая, то опять срываясь с места, станет щелкать и щелкать, чтобы нарядный альбом, как бессмысленный клад, зарытый в позабытом месте, лег на нижнюю полку шкафа. А внучка, когда достанут и сотрут пыль, вслух восхищаясь, будет изумляться безвкусоности нарядов и глупости церемонии. Впрочем, нет. У нее, Веты, лучше пусть будет все не так. Свадьба только летом, цветы – ромашки и васильки, платье – пестрое, после ЗАГСа – переодеться, и за город. А жених... Тут она задумалась, потому что ясности не было. Надо дожидаться любви, вот что.

Мите вдруг стало душно. Захотелось разодрать петлю галстука, вырваться из обтягивающего пиджака, скинуть синтетику белой рубашки. Захотелось в заснеженный лес. Но все происходило всерьез. Мама даже слезинку смахнула. А ему в ладонь кто-то вложил перо, и он подписал приговор.

Начиталась русской классики на своем филфаке! Любовь...

Митя не то чтобы надрался, выпил-то немного, но его подразвезло. И когда друг-свидетель пригласил Надюшу на танец, он по протоколу должен был танцевать с Ветой. Не сдержался, спросил: «Не сердитесь?» – «Что ты, я так за вас рада». А глаза у самой не грустные, но куда-то мимо него смотрящие. Надо будет ее с кем-нибудь из ребят познакомить.

Заглянуть бы лет на тридцать вперед... Митя – рядовой чиновник департамента культурного наследия, по выходным попивает в бане пиво с приятелями, отдыхая от ворчания обрюзгшей жены и жалоб засидевшейся в девках колобообразной дочери; Надюша – бездетная, второй раз разведенная, молодящаяся – не врач, а «врачиха» (машинально: «а теперь прикройте левый глаз и читайте третью строчку таблицы» и неизменно раздраженно: «сколько еще больных в коридоре?») и Вета, вдова с сыном-горе-бизнесменом, застрявшая на всю жизнь в секретарском предбаннике.

Могло быть иначе?..

Репетиция материнства 1975

Еда в студенческой столовке была отвратительная. А главное – запах, напрочь отбивающий аппетит. Хотя там всегда было полно. Немногочисленные их мальчишки – откуда на гуманитарных факультетах пединститута многочисленные! – вечно голодные после лекций не брезговали однообразным меню – «суп на м/б и рыба с к/п» (суп на мясном бульоне и рыба с картофельным пюре, если кто забыл). Вета свой заветный рубль на обед редко оставляла в гремящем подносами зале. Через два дома была булочная, где в кондитерском отделе триста грамм конфет «Цитрон» – ровно девяносто девять копеек, а немного добавить – так пачка тахинной халвы. А если шикануть, то в соседнем овощном хорошо было запить эти сладости яблочным соком, который продавщица, повернув краник, наливала из стеклянного конуса. Одно удивительно: при таком режиме питания к концу института она легко застегивала молнии на сшитых в школе юбках.

Кулинарные рецепты по студенческой безбытности и дефиците продуктов девочек не слишком волновали. Но однажды им пришлось удивиться людской изобретательности.

В академический отпуск ушла Маринка, не первая и не последняя из Ветиной группы. А вот не отстать от курса – это был подвиг. Скорее, конечно, не ее, а бабушкин, которая со своим «неполным средним» – сельской семилеткой – благоговела перед будущим внушкиным «учительским» дипломом и самоотверженно ночами укачивала ребенка, чтобы та выспалась перед очередным зачетом. Так что свободное посещение плюс помощь домашних: муж стирает, мама гладит, папа гуляет – и вот она сдает сессии вместе со всеми. Ну и девочки, конечно, – без их конспектов куда. Поэтому, когда зайке ее исполнился годик, она решила их угостить. Был жаркий май, устроились в садике на лавочке, она достала газировку, бутерброды, а главное – тщательно упакованные в картонные коробки из-под яиц – в каждой ячейке уместились по три штуки – домашнего изготовления конфеты-трюфели.

В этот день свой обеденный рубль Вета сэкономила. Долго молодая мама всех мучила – не открывала рецепт, а потом все ахнули:

– В большую миску высыпаете пачку сухой смеси для детского питания «Малютка» (смотрите, не купите «Малыш» – это совсем другое!), добавляете размягченную пачку сливочного мороженого, 150 грамм сливочного масла, полпачки какао «Золотой ярлык» и щепотку соли. Все это долго и тщательно перемешиваете. Потом скатываете шарики, выкладываете на доску и в холодильник. Когда начнут застывать – обвалить в оставшемся какао и опять в холодильник.

Вета старательно, как на лекции, все записала, однако так этим изобретательным рецептом никогда не воспользовалась.

Но через две недели, когда сдавали очередной экзамен, Маринка пришла в институт с коляской и рассказала, что вся семья свалилась с кашлем-насморком, зайку оставить не с кем, а она всю ночь старославянский зубрила, так обидно не сдать. «Веточка, спасай, посиди с ней в садике часок... Да она спать будет, а если вдруг проснется, бутылочку ей сунешь...»

«Интересно все-таки, как эгоистично устроен человек, – думала Вета, поднимая неожиданно тяжелую коляску на высокий бульварный бордюр, – Маринке и в голову не пришло, что ей-то самой тоже надо эти „еры“ и „ери“ с себя сбросить, да еще желательно стипендию повышенную не погубить». Теперь придется идти сдавать в хвосте группы, чего она терпеть не могла.

В этот утренний час пенсионеры еще пили по домам жидкий чай, а на лавочках только и сидели молодые мамаша, обессиленные хроническим недосыпом, и как-то механически и бессмысленно трясли-качали мирно сопящих младенцев. Они встречались тут регулярно, некоторые оживленно болтали, но все без исключения с откровенным любопытством разглядывали Вету. Одна не выдержала:

– Это кто у нас – мальчик, девочка? – сюсюкающим таким голосочком, как положено не только с детьми, но и о детях.

– Девочка, – односложно ответила Вета.

– И сколько же нам? – не отставала мамаша.

– Год, – уже раздраженно ответила Вета, понимая, что надо уходить.

– И как же нас зовут? – изнемогала от любопытства прилипала. Она уже бросила своего ребенка и норовила сунуть голову в Ветину коляску.

Забавно, что Вета не могла вспомнить – а может быть, даже и не знала имени девочки, Маринка всегда говорила: «моя зайка». И тут вдруг зайчиха эта открыла глаза и заорала на весь бульвар. Зато приставучих мамаш как ветром сдуло: подхватились – и наутек, чтобы крик их чадушек не разбудил.

Вета сначала пыталась ее укачивать, потом быстро покатила коляску по аллее – не помогло. Тогда полезла за бутылочкой.

Не может быть еда такого омерзительного, неживого, несъедобного цвета! Вета с изумлением наблюдала, как, сладострастно причмокивая, ребенок поглощал зелено-фиолетовое месиво. Плач унялся в ту же секунду, как она поднесла соску к орущему рту. Отдав в крошечные цепкие ручки бутылочку, она покатила к дверям факультета. Глядишь, скоро Маринка выйдет. А та уже бежала им навстречу, радостно помахивая зачеткой.

«Урра! Сдала на четверку! Какая я все-таки молодец!» – не удержалась, закружилась, в ладоши хлопала. И замерла: «А вдруг зайка спит, а я раскричалась!» Ветке спасибо, побежала, бедная, сдавать. Хоть бы получила свою очередную пятерку. А то будет стыдно: заставила за зайкой смотреть, она, наверное, иззавидовалась, расстроилась, все перезабыла...

Еще через час, когда Вета, довольная и удачными вопросами, и своими ответами, вышла на улицу, Марина в окружении девочек так и стояла там с коляской.

А на защиту диплома сама Вета придет с животом.

Еще через двадцать лет она купит удобный бюстгальтер – мягкий, с широкими лямками. Дома увидит какие-то непонятные застёжки спереди – оказывается, для кормящих матерей. То-то продавщица так странно посмотрела, когда Вета с ним в примерочную кабинку отправилась. Да, кормящей бабушки из нее так и не вышло.

Репетиция немощи

1982

К концу самой длинной третьей четверти Вета уже совершенно изнемогла. Ждала каникул, наверное, куда больше, чем все ее ученики вместе взятые. Грела ее только одна мысль: это ее последние каникулы. Три года барщины, три года мучений почти позади. На комиссию по распределению она шла спокойно: мало того что замужем, еще и ждет ребенка. Незамужние девчонки из ее группы ревмя ревели в коридоре: сельская школа в Красноярском крае, большая там нехватка учителей русского и литературы... Вета думала, что ей дадут свободный диплом, не тут-то было – хоть в Москве, но как назло на другом ее конце изволь три года сеять разумное, доброе, вечное. Робкие попытки размахивать справкой из женской консультации и по-хорошему объяснять, что на работу выйдет она, считай, через два года и, быть может, вовсе не будет той школе в Медведкове нужна, оказались бесполезны. Но в тот момент Вете любая работа казалась делом таким далеким, почти нереальным – ребенок уже начал потихоньку шевелиться, толкаясь то в правый, то в левый бок, и только это было важно.

Ну конечно, расстроилась тогда. А ведь когда в педагогический собралась, говорила ей: «Доченька, подумай хорошенько, ну любишь ты книжки читать, так ведь никуда от тебя это не уйдет, а профессия – это совсем другое. Кроме школы – куда?». Да кто ж слушает матерей... Беда в том, что призвания не было. Ведь она с детства мечтала стать врачом, но в эвакуации в Кировской области разве до учебы было – больше на базаре времени проводила, чем в школе, меняла из Москвы привезенное барахло на продукты. В училище медицинское поступила, думала, потом легче будет в институт попасть, но нужен был стаж, а дальше – замуж вышла, Вета родилась. Так и застряла лаборантом в рентгеновском кабинете. А теперь думает: вот точно, что Бог ни делает – все к лучшему. В сорок пять лет где бы она пенсию заработала? Еще и сейчас бы оставался год до «заслуженного отдыха», а так Павлик не в казенном доме, с бабушкой растет – есть разница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.